

ЖДИТЕ, Я ВЕРНУСЬ!

очерк

Когда началась СВО, а затем частичная мобилизация, и многие соотечественники бросились в Казахстан и Грузию, Игорь Батрагареев пошёл в военкомат. Решил вступить в формировавшийся в Томске батальон «Тоян», благо набором занимались знакомые парни. Кто-то искал знакомств, чтобы «откосить», а Игорь радовался – идёт на СВО! Ему сказали, что берут командиром отделения, отправили собирать справки. Но на медкомиссии везенье закончилось, терапевт с изумлением прочитал его документы:

– У вас в прошлом году был инсульт, это же инвалидность! Надо таблетки пожизненно пить, какая СВО?! Не разрешаю.

– Да я восстановился, здоров, как бык!

Но врачи были неумолимы...

Время летело, на Донбассе полыхала война, на которую уходили его знакомые по прежней службе, а он оставался «на гражданке». Вытерпеть это не было сил. И тогда он подумал о «Вагнере»: всё же частная военная компания, может, там не так строго, как в Минобороны? Раздобыл телефон, позвонил куратору «музыкантов» в Краснодарский край, объяснил ситуацию. Получил короткий ответ: «Приезжай!».

Он уволился с работы, попрощался с женой и детьми и ушёл на войну. Уже не в первый раз. А вопросы морально-нравственные – что такое Родина и почему за неё надо воевать – он для себя решил давно.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

В семье Батрагареевых служили все мужчины – и срочную, и сверхсрочную, выросший в этой атмосфере Игорь о другой судьбе и не помышлял. Уроженец небольшой татарской деревни Тукай Зырянского района, он с юных лет мечтал об армии и готовился к ней.

– Я был в младших классах, когда семья переехала в Зырянку, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Там закончил десятилетку, профессиональное училище, оттуда же в 2005 году призывался на срочную службу. Когда уходил, родителям так и сказал: «На гражданку» не вернусь, останусь на сверхсрочную». Они были не против, такая уж у нас семейная традиция. А уже в армии понял окончательно – это действительно моё.

Служить довелось на Камчатке. Он просился на корабль, но, к своему удивлению, оказался в контрразведке ФСБ в «столице» тихоокеанских подводников

Вилючинске. Писал рапорты с просьбой перевести в надводный флот, однако начальство, ещё раз полистав его дело, ответило отказом: «Нет, ты наш...».

Там же и в той же должности остался на сверхсрочную. А завершилась его камчатская эпопея на атомной подводной лодке, куда перевёлся по собственному желанию. Выучился на техника-гидроакустика, ходил в плавание.

В 2008 году закончился контракт, Игорь вернулся в Томск уже с опытом военной службы и определившимися планами на жизнь. Теперь он знал твёрдо: его профессия – Родину защищать. Только хотелось чего-то большего, туда, где свистят пули. Себя испытать.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Ещё уходя на «срочку», он уже думал о Чечне, но, увы, на неё не оказалось разнарядки. Теперь, приехав в Томск и ещё не успев отойти от дальневосточных впечатлений, Игорь решил времени не терять. В бывшую «горячую точку», где ещё активно продолжались контртеррористические операции, можно было попасть по линии разных силовых ведомств, и он подал документы сразу в несколько. В конце концов добился своего в Октябрьском райвоенкомате.

Наконец он в Чечне! Местом службы стала 46-я отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск МВД, выполнявшая задачи поддержания конституционного порядка и борьбы с незаконными вооружёнными формированиями в республике, где обстановка ещё оставалась нестабильной. Небольшой городок Урус-Мартан, куда он прибыл в полк назначения, лежал у подножия величественных гор и на их фоне казался игрушечным.

После прохождения двадцатипятидневного курса молодого бойца их, вновь прибывших, построили на плацу. Комполка, сидя за столом, на котором лежали личные дела, вызывал каждого по очереди, спрашивал, кто, где и в каком качестве хочет служить. У Игоря ответ был готов давно. По дороге в Чечню он познакомился с парнем, который с восторгом рассказывал про ачхой-мартановскую разведку.

– Говорил, как это круто, настоящая боевая служба – жить в лесу, охотиться за террористами, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Договорились с ним пойти в эту разведку сапёрами, хотя прежде я о такой специальности не помышлял...

Поэтому на вопрос комполка, где он хочет служить, Игорь, не задумываясь, ответил:

– В ачхой-мартановской разведке, сапёром.

Командир задумчиво листал его дело.

– Ты что, нелёгкой судьбы человек, что ли?

– Почему?

– Ну вот на подлодке служил, в ФСБ, теперь хочешь в разведку, да ещё ачхой-мартановскую. Да ещё сапёром... А вывезешь?

– Вывезу...

В тот же вечер их вдвоём с Павлом, тем, что заварил всю кашу, отправили в Ачхой-Мартан. Но в расположении подразделения встретил один дежурный

– оказалось, личный состав находится на заставе, как здесь говорили, «в ендях» (палаточном лагере).

Через несколько дней за ними пришёл бронированный «ЗИЛ» – до заставы было не близко.

– Ехали впятером: старший машины с водителем в кабине, а я, Паша и пулемётчик – в кузове, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Когда до заставы оставалось уже недалеко, километров десять, нас обстреляли.

Сегодня он и не упомнит, сколько потом раз – десятки, сотни – приходилось бывать под обстрелом, но тот, первый в жизни обстрел запомнил навсегда. Пытаясь уйти из-под огня, водитель начал маневрировать, но удержал машину, «ЗИЛ» залетел в ров и перевернулся. Повезло, что никого не придавило, только засыпало обломками бронированной пластины. Первым из-под них выполз, начал отстреливаться пулемётчик, потом, оглушённые и ошеломлённые, Игорь с Павлом. Вжимаясь в землю возле перевернутой машины, Игорь впервые узнал, каково это – лежать под огнём, когда рядом хлестко бьют пули, и каждая, ударь немного ближе, может унести твою жизнь. И не понять, откуда летит эта смерть...

Пулемётчик, боец опытный, бил очередями в сторону небольшой рощицы, где, видимо, находилась засада. Игорь с Павлом, остальные поддержали его из АКМ. А потом наступила тишина, они поняли, что бандиты ушли. Старший по радиации запросил эвакуацию, БМП с заставы пришла быстро.

– Так наконец мы прибыли в ачхой-мартановскую разведку, по пути получили боевое крещение, – рассказывает Игорь Юрьевич. – А через несколько дней, когда мы с Пашей уже приступили к службе, вдруг нас двоих вызвали в батальон в Ачхой-Мартан. Зачем, по какому делу – никто ничего не говорит. Приезжаем – батальон выстроен на плацу, нас ставят вместе со всеми. Оказалось, это наше награждение.

За то, что, будучи необстрелянными бойцами, не испугались, достойно держались под пулями бандитов и вели ответный огонь, Игорь и Павел получили медали «За службу на Кавказе». Свои первые медали.

«НАЖИВНИК» – ЭТО ПО ТВОЮ ЖИЗНЬ

Колебания комполка в ответ на просьбу Игоря отправить его в Ачхой-Мартан объяснялись просто. Разведрота ачхой-мартановского батальона, в просторечии ачхой-мартановская разведка, была одним из самых боевых и эффективных спецподразделений бригады. Она выполняла наиболее трудные задания, участвовала в самых сложных операциях. Разумеется, туда был жёсткий отбор. Хорошо физически подготовленные Игорь и Павел смогли пройти весь комплекс контрольных проверок (марш-броски, спарринги и т. д.), сдали на право ношения формы одежды спецподразделения, им торжественно вручили краповые тельняшки. Обучили сапёрному делу. Началась нелёгкая, опасная спецназовская работа, но Игорь Юрьевич рассказывает о ней как о деле привычном, обыденном:

– В основном занимались поиском и ликвидацией террористических фор-

мирований. За все годы, что я был в роте, она не потеряла ни одного человека. Ребята все опытные, хорошо подготовленные, комроты – позывной «Магадан» – вообще ас. Он не имел военного образования, закончил какой-то гражданский вуз, но дослужился до старшего лейтенанта, и на банды у него было чутьё. Нам спускали данные, какие квадраты прочёсывать, но мы шли не по ним, а туда, куда вёл он. И всегда добивались хороших результатов.

Они гонялись за бандами, устраивали засады, сами попадали в засады боевиков... Одну такую ситуацию Игорь Юрьевич до сих пор помнит, будто это было вчера.

Группа шла лесом, первым, как положено сапёру, шёл Игорь. Вдруг начался обстрел. Парни упали на землю, стали отстреливаться. Начали уже было разворачиваться, стараясь взять источник огня в полукольцо и зайти с флангов, но тут Игорь, который лежал возле дерева, вдруг почувствовал, что рука задела что-то необычное. Глянул, и по спине побежал холодок: под рукой тускло блеснул припорошённый сухой листвой одноразовый шприц. Это был так называемый «наживник» – самодельное взрывное устройство. Оно чудом не работало. Значит, в опасности были все.

– Это СВУ устанавливается таким образом, что шляпка шприца, замаскированная ветками или сухой листвой, немного торчит из земли, – объясняет Игорь Юрьевич. – Наступаешь, контакт замыкается, происходит подрыв.

«Минная опасность!» – крикнул он, и парни послушно замерли каждый на своём месте, но огонь продолжали вести.

Даже в спокойной обстановке обезвреживание боевой мины требует максимальной концентрации, а каково это делать, когда в тебя летят пули, от шквального огня с деревьев валяются на голову ветки и щепы?

– В первые минуты было по-настоящему страшно, но потом как-то притерпелся, – вспоминает Игорь Юрьевич. – В итоге я нашёл и обезвредил все четыре СВУ. Сам удивляюсь, как удалось, ведь тогда большого опыта ещё не имел. Нас Бог уберёт. Могли подорваться ещё до начала обстрела, но к минам нас почему-то не подпустили, открыли огонь раньше. Возможно, рассчитывали, что подорвёмся, когда начнём разворачиваться и пойдём вперёд...

Так бы, наверное, и случилось, группа потеряла бы немало людей, потому что мины были миномётные, большого поражающего действия и замысловато поставленные: от каждой шли провода к нескольким шприцам. Но благодаря Игорю этого удовольствия бандитам не доставили. В итоге боя трое из них были ликвидированы, оставшиеся разделились на малые группы и скрылись. А Игорь получил благодарность командира.

«СКИФ», СИРИЯ И СВЕТОШУМОВАЯ ГРАНАТА

Постепенно приходили опыт, уверенность в себе. Когда в 2012 году ачхой-мартановский батальон расформировали, Игорь был переведён в Урус-Мартан в роту спецназа, стал командиром отделения. Прослужил недолго: вскоре в Грозном сформировали отряд специального назначения «Скиф», которому стали отдавать самые интересные задания, и он перешёл туда. Долго

уговаривал начальство, не хотели отпускать из роты. В конце концов дождался, когда комполка ушёл в отпуск, и быстренько перевёлся.

В «Скифе» вырос уже до заместителя командира взвода...

Сирия возникла неожиданно, для отправки туда в «Скифе» сформировали сводный отряд. Игорь снова проявил своеволие. Командиры не любят отпускать опытных бойцов, но он вызвался ехать и настоял на своём.

Многострадальная страна запомнилась жарой, пылью, бетонно-кирпичным крошевом разрухи на улицах освобождённых селений. Они проводили их зачистки, разминирование, искали в этом крошеве схроны с оружием, уничтожали шайки недобитых игиловцев, прятавшиеся в щелях и норах изуродованного войной мира.

Одно из таких боестолкновений произошло на окраине Пальмиры. Прочёсывая окрестности, их «тройка» обнаружила такую же, из трёх человек, разведгруппу боевиков. Двоих ликвидировали сразу, третий успел укрыться.

– Засел в каком-то полуразрушенном строении, в одной комнате, а мы зашли в соседнее помещение и думаем, как его выкурить, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Всё же жилой сектор, несмотря на боевые действия, люди не все его покинули. Надо было работать осторожно, у бандита мог быть заложник. Решили проверить.

Для таких случаев у спецназовцев имеется специальный инструмент – зеркальце на длинной ручке. Тихонько высунули его из-за угла – так и есть: боевик сидел со стволом, прикрываясь девочкой лет семи-восьми. Время от времени что-то орал на своём языке, видимо, угрожал, что убьёт девочку, если ему не дадут уйти. Как быть? Отпускать бандита не хотелось, а рисковать ребёнком было нельзя.

Но на небольшой риск пойти всё же пришлось. У одного из бойцов «тройки» нашлась светошумовая граната, её кинули в комнату. Оглушённый и ослеплённый, боевик на несколько мгновений потерялся, приотпустил девочку, она отшатнулась в сторону. Для ликвидации террориста этого было достаточно...

Ослеплённую и перепуганную девочку парни вынесли из дома, передали прибежавшим родителям. Ребёнка осмотрел их отрядный санинструктор, оказалось – всё в порядке, только шок. Вскоре он прошёл. Родители что-то говорили парням по-арабски, улыбались, те, не понимая, на всякий случай улыбались в ответ.

Поулыбались и пошли дальше.

«Я ЗНАЛА, ЧТО ТЫ ПОЕДЕШЬ...»

В 2016 году, вскоре после возвращения из Сирии, имея за плечами несколько «горячих точек», Игорь перевёлся в Томск, где у него уже была семья. Жена ждала ребёнка, и он хотел быть ближе к дому, пошёл в только что сформированный на базе Северной дивизии отряд специального назначения «Рысь». Те же командировки в «горячие точки», охрана массовых мероприятий, ловля «чёрных лесорубов»...

А ещё через несколько лет в жизни наступил перелом.

– Честно говоря, немного подустал от всех этих командировок, да и лет уже не двадцать, семья, – рассказывает Игорь Юрьевич. – На Камчатке год идёт за два, в Чечне – за три, выслуги хватило – вышел на пенсию. В тридцать четыре года. Устроился работать начальником по транспорту в одну нефте-сервисную компанию, друг-директор позвал.

Можно понять. Не так это просто – всю жизнь приходиться-уходить, прощаться, говорить близким утешительные слова: «Ждите, я скоро вернусь!..».

Но случилась беда. Сказались годы тяжёлых физических и нервных нагрузок – у Игоря произошёл инсульт, отнялась половина тела. Однако, к великому удивлению врачей, он быстро восстановился, вышел на работу. Через несколько месяцев вновь почувствовал себя здоровым.

А когда пришла роковая дата – 24.02.2022, он понял, что, пытаясь уйти в гражданскую жизнь, обманывает себя. «Гражданка» – не для него, даже теперь, после инсульта. И глупо, а главное, стыдно не использовать его богатый военный опыт там, где он сейчас нужен. Зачем тогда были в жизни Вилючинск, ачхой-мартановская разведка, «Скиф»? А за жену и детей, за Россию надо воевать в Чечне, на Донбассе. Иначе война придёт сюда, домой.

– Я знала, что ты всё равно поедешь, – сказала на прощание жена. – Иди. Будем ждать...

УЧИТЬ НЕ НАДО

1 октября он уже был на Кубани, на базе подготовки бойцов ЧВК «Вагнер» в Молькино. Медкомиссия нашла его годным. Заполнил анкету, прошёл собеседование. Изучив его документы с послужным списком, вагнеровские кадровики проэкзаменовали на предмет знания взрывчатых веществ, классификации мин, по другим вопросам. Сказали: «Ты наш».

Игорь был зачислен в отдельный бригадный батальон сапёром, начал проходить курсы семидневной подготовки, но уже через два дня к нему подошёл комбат.

– Вижу, всё умеешь, на опыте. Хочешь завтра «за ленточку»?

– Хочу.

– Тогда собирайся...

Следующей ночью их, большую группу бойцов, на четырёх автобусах отправили в зону боевых действий.

В пункте прибытия уже во всём, прежде всего в спокойной сосредоточенности мало говоривших людей, чувствовалась близость войны. Группа приехала ночью (на войне вообще все передвижения ночью), выгрузились, построились, приехавшие из частей старшие выкрикивали каждого по полученным ещё в отделе кадров позывным. Увозили кого куда.

– Меня и ещё несколько человек посадили в «Урал», повезли, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Куда – не знаем, никто с нами не разговаривает. Приехали, в темноте видим – какое-то трёхэтажное здание с завешенными окнами. Вышел человек, объяснил, что мы находимся в учебном сапёрном центре, где будем проходить курс обучения.

Их провели в дом, показали, где лечь спать – прямо на бетонном полу. На войне спальные места – не «люкс».

А назавтра они увидели всё уже при свете дня. Оказалось, они на Луганщине, на окраине городка Стаханов. Сапёрная «учебка» располагалась на территории бывшей женской исправительной колонии, от которой после обстрелов остались одни руины. Старшим был опытный сапёр с позывным «Верона».

Занятия начались в первый же день, и в этот же день Игорь убедился, что информация на него здесь уже получена. Они сидели на ящиках из-под снарядов и слушали теорию, вошёл «Верона». Без всяких предисловий подал Игорю боевую противопехотную мину «МОН-50».

– Разминируй!

Дело привычное: Игорь взял штык-нож, расколул соединительный шов корпуса, вскрыл крышку, вынул пластид, подал начальству. Оно оценило.

– Молодец, учить не надо, – сказал «Верона», вызвав его за дверь. – Мне про тебя говорили... Есть желание помочь? Надо немного поучить людей...

Три дня вместе с ещё одним продвинутым новичком они работали инструкторами-наставниками, а на четвёртый их отправили в боевые подразделения, «на передок».

ПРО «ЛИНИЮ СУРОВИКИНА» И ВОРОНКУ ОТ ХАЙМАРСА

В городишке Горское, что недалеко от Попасной, как в каждом прифронтовом населённом пункте, разрушенных и брошенных домов было сколько душе угодно. Отделение Игоря, восемь человек, обосновалось в доме, где оставался единственный жилец – старушка. Парни воевали, а бабушка просто жила, идти ей было некуда.

– Как прибыли, в первый же день с утра, ещё потемну, выехали на задание в окрестности посёлка Врубовка, рядом с линией боевого соприкосновения, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Надо было заминировать вероятные пути подхода противника. Занимались этим две недели.

Работали в чистом поле под жестокими миномётными обстрелами, которые корректировали постоянно висящие в небе бандеровские «птички». Во время обстрелов укрывались в лесополосе, обстрел ослабевал – спешили продолжить работу, и так с темна до темна. Порученный участок заминировали надёжно, он примкнул к уже начинавшей формироваться «линии Суровикина», фактически став её частью. Вообще, по мнению Игоря Юрьевича, её следовало бы назвать «линией Вагнера», который её создавал. О том, какую роль она сыграла в остановке летнего наступления ВСУ 2023 года, известно всем.

Потом было ещё одно такое же поле, потом ещё... А затем началась работа серьёзнее, в тылу противника: они уходили за ЛБС, устраивали диверсии – подрывали хранилища боеприпасов, склады с техникой и горючим, другие военные объекты.

– Вообще старались минировать там всё, что можно – расположения подразделений, дороги и так далее, – рассказывает Игорь Юрьевич. – А для этого

нужно было много с собой принести, приходилось таскать большую тяжесть. Когда взрывали объекты, у «вэсэушников» начиналась паника, страхуясь, они оттягивались с передовой, и мы, пользуясь брешью, уходили...

За успешными подразделениями, серьёзно портящими кровь противнику, начинается охота. Однажды, вернувшись домой после дневной работы, парни получили срочное сообщение от командования: «Быстро уходите! Поступили разведданные – на ваш дом наведена РСЗО, должен прилететь «Хаймарс». Ушли, нашли новое жильё, а вскорости прилетел обещанный «Хаймарс». От старого дома осталась одна воронка.

ЛЮБОЕ ПРОМЕДЛЕНИЕ – ЭТО ТВОЯ ЖИЗНЬ

О том, что у войны своя табель о рангах, писали и Лев Толстой, и Ремарк: экстремальные обстоятельства, повседневная боевая работа сами отбирают и выдвигают людей. Уже через несколько недель после прибытия в Горское Игорь стал командиром отделения. А ещё через месяц, когда группа, заминировав очередной рубеж, вышла в условленное место и отдыхала в ожидании эвакуационной машины, на него по радиации неожиданно вышел замкомроты:

– К тебе едет комбат, поговорить. Встречай!

В разведывательно-диверсионных подразделениях трусов нет, но на душе у Игоря заскребли кошки. Что за честь такая, что сам командир батальона едет к нему «на передок»? Может, где «накосячил»?

Подъехал комбат. Подозвал, придирчиво оглядел.

– Мне о тебе докладывали. Хочу назначить тебя командиром первой роты. Как, согласен?..

Рота – не отделение, это уже серьёзно. Особенно рота разведывательно-диверсионная, да ещё в «Вагнере». Воины незаурядные, специалисты с большим боевым опытом, оказался даже один отставной генерал – простой боец. Все эти люди перешли в подчинение старшему сержанту Батрагарееву. Но у «музыкантов» нет званий, человек здесь оценивается исключительно по его способностям и профессионализму. В общем, груз потяжелее, чем рюкзак с взрывчаткой, даже если идёшь с ним в тыл врага. Тем более, что и он никуда не делся.

– Рота занималась разведывательно-диверсионной деятельностью в тылу противника, – объясняет Игорь Юрьевич. – Мне спускались задачи сверху, я ставил задачи своим взводам и группам, сам ходил с разными группами. Считал это для себя обязательным, потому что одно дело, когда тебе докладывают, и совсем другое, когда видишь своими глазами.

Если у тех же штурмовиков были определённые направления работы, то разведчиков бросали всюду, могли дёрнуть в Соледар, Угледар, Артёмовск. Насмотрелись. Игорь видел превращённые в руины донецкие города и посёлки, несчастных, обездоленных людей, перепаханные нашими ракетами украинские окопы, где лежали перемешанные с землёй тела «вэсэушников»... Видел, но старался не поддаваться эмоциям, разведчик не может себе этого позволить.

– Там задумываться нельзя, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Задумаешься – обязательно сделаешь ошибку. Любое промедление – это твоя собственная жизнь.

Жизнь, которую, только зазевайся, не моргнув глазом, отнимут вчерашние братья. Общаться с ними приходилось не только через прицел, но и непосредственно. Случалось сидеть в окопах в тридцати метрах от окопов противника: перекрикивались, дразнили друг друга, чтобы кто-нибудь вылез-показался – на выстрел... Приходилось разговаривать с пленными. Игорь видел – все разные. Встречались настоящие фанатики-националисты, но больше было тех, кто говорил прямо: «Воевать не хотим, нас заставили!». Он понял – никакого единства по ту сторону фронта нет.

ПРОЕКТ «К» И ЕГО ЛЮДИ

С интересными людьми сводит война.

– Тогда уже начался так называемый проект «К», когда в «Вагнер» стали брать людей из мест лишения свободы, – рассказывает Игорь Юрьевич. – В разведроту, конечно, был тщательный отбор, принимали самых опытных и только с лёгкими статьями. Особенно запомнились двое – позывные «Бурэ» и «Зенит».

С «Бурэ», серьёзным, грамотным парнем, в Соледаре произошёл случай, чуть не стоивший жизни и ему, и Игорю. В домишке, где остановилась их группа, нужно было организовать хотя бы минимальный «быт», понадобились гвозди, инструменты и тому подобное. Гумпомощь разведчикам из сообщений секретности не возили, все бытовые вопросы решали сами, и тут на их счастье неподалёку обнаружился полуразрушенный, простреливаемый со всех сторон хозяйственный магазин. Игорь с «Бурэ» пошли посмотреть, нельзя ли чем разжиться. Оказалось, можно. Но им не повезло – заметили находившиеся на соседней улице «взэсушники». По магазину начал работать танк.

– Первый выстрел – мимо, но мы понимаем, что второй, скорее всего, будет точным, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Говорю «Бурэ»: «Всё бросай, бежим!». Выпрыгиваю в пробоину в стене, бегу, и в какой-то момент вдруг начинаю осознавать, что «Бурэ» сзади нет. Оборачиваюсь – он в пробоину выпрыгнул, но зацепился бронежилетом за кусок арматуры, который торчал из стены.

Картина была впечатляющая: снаряды ложились уже в магазин, от которого летели кирпичи и тучи земли, а «Бурэ» с круглыми от ужаса глазами дёргался у стены, не догадываясь податься назад и отцепиться.

– Назад, сдёрни броню! – кричал Игорь.

Но парень не понимал. Пришлось ротному возвращаться, снимать его «с крючка».

Когда они бежали к своим, за спиной у них складывались стены злосчастного хозмага...

Ещё более удивительные истории происходили с «Зенитом».

– Парень замечательный, волевой, никогда не отлынивал от работы, –

вспоминает Игорь Юрьевич. – Я и не догадывался, что он тоже из проекта «К», пока он сам не сказал. Очень мне нравился. Из отпусков, бывало, не возвращались, а он ушёл и через месяц вернулся. После этого я поставил его командиром отделения.

Но, главное, у «Зенита» был талант к сапёрному делу. На пяточке в пять квадратных метров он мог обнаружить и обезвредить 64 противопехотных мины... А однажды вообще поразил ротного до глубины души.

– Как-то в ходе операции перебежали с ним поле, – рассказывает Игорь Юрьевич. – И вот я бегу, и вдруг замечаю, что всё кругом в «лепестках» – противопехотных минах! А он чешет впереди, ни сном, ни духом. Я бегу по его следам, вижу – буквально через каждые три шага он наступает рядом с «лепестком», прямо в паре сантиметров! Вдобавок ко всему, завтра у него – день рождения. Перебежали поле, я ему говорю: «Зенит», у тебя завтра двойной день рождения! Хочешь, покажу, где бежали? Ты каждый «лепесток» обошёл...» И так с ним всегда...

РАДИ ЭТОГО СТОИТ ЖИТЬ

На любой войне есть города, в которые, как в плотину, порой упирается весь её ход. Прорвёт плотину – течёт война дальше... В Первую мировую был Верден, во Вторую – Москва и Сталинград. На Донбассе – Артёмовск. А в самом Артёмовске всё стопорил то один укрепрайон, то другой.

– Очень долго там на окраине держал наши штурмовые отряды один «укреп», – рассказывает Игорь Юрьевич. – Нас тогда уже перебросили в Артёмовск, работали в городе и окрестностях и вот где-то уже в марте-апреле получили задание уничтожить этот «укреп».

«Орешек» был «твёрдым». Укрепрайон занимал обширную промзону с множеством строений, в которых располагались склады с оружием и боеприпасами, техника, дислоцировались воинские части. Они были хорошо укрыты, надо было ухитриться вычислить, где что, и уничтожить сразу всё.

В «Вагнере» не отдают приказов категорично, как в армии. Командир, ставя ротному задачу и осознавая её исключительную сложность, сказал так:

– «Укреп» надо ликвидировать. Как будешь действовать – твоё дело. Твои люди, твоя ответственность.

Решать задачи такого масштаба Игорю ещё не приходилось. Вернулся в роту, собрал командиров взводов и отделений, стали думать. Было решено идти группой 16 человек, заходить в «укреп» с фланга. Доложили командиру план предполагаемых действий, он одобрил. С небольшой оговоркой:

– Давайте... если сможете.

Связались с войсками Минобороны, запросили поддержку артиллерии. Прибыли «Грады», в нужное время в нужном месте проутюжили передний край ВСУ. Разведгруппа во главе с Игорем зашла в образовавшуюся брешь.

...Выход во вражеский тыл – работа специфическая, разведчики были предельно осторожны. Зашли с вечера, ночь отсиделись в каких-то развалинах, рано утром начали действовать. Передвигались скрытно, небольшими

группами, сутки вели наблюдение: откуда и какие выезжают машины, как и в каком порядке перемещаются подразделения, где концентрируется личный состав...

– «Вэсэушники» нас не ждали, поэтому мы могли работать относительно спокойно, – рассказывает Игорь Юрьевич. – Они вообще почему-то следят только за фронтом, а тылом зачастую пренебрегают.

Самым главным было правильно вычислить склады, места дислокации личного состава, укрытия для техники, не пропустить ни одного важного объекта. Наблюдали парни и дивились, сколько «добра» – ракет, снарядов и прочего – припасли в «укрепе»! И всё для них, «клятых москалей», и всё с любовью – от европейских гуманистов и американских миротворцев.

А на следующую ночь, разбившись на группы по два человека, всё заминировали. Надёжно, качественно и не вызвав подозрений охраны. Потом заминировали вероятные пути движения диверсионных групп ВСУ, которые пойдут по их следам, когда произойдёт подрыв. Начали отходить. И только когда находились уже недалеко от места перехода через линию фронта, дистанционно произвели подрыв.

Это была особая минута. Позади остались несколько бессонных суток тяжёлой, опасной работы, натянутых нервов, предельного напряжения сил, и весь этот гигантский труд осталось завершить лёгким нажатием кнопки... Зрелище было красивым: в отдалении встали столбы дыма и пламени, поднялись в небо и рассыпались в прах сотни тонн натовского железа. Это было возмездие – за гибнущих под обстрелами детей Донецка, за Мариуполь, за Белгород. Ради этой минуты стоило жить.

– Позже подтвердилось, что всё разведали и подорвали правильно, – вспоминает Игорь Юрьевич. – Наше командование примерно подсчитало – одних «двухсотых» в «укрепе» оказалось более четырёх сотен, плюс человек триста раненых. С коптеров было видно, как их массово вывозили... А боеприпасы уничтожили все, детонация была бешеная. Потом туда вошли наши штурмовики, рассказывали – всё разворочено, везде искорёженная бронетехника...

Они сделали это, и всё, что было потом, казалось уже не таким важным. И то, что уже перед самым переходом через линию фронта пришлось вступить в бой и уничтожить настигнувшую их украинскую диверсионную группу. И то, что уже на своей территории их, измотанных операцией, встретила «дружественным огнём» какая-то не на своём месте оказавшаяся часть, и с трудом удалось разобраться и избежать жертв... Укрепрайона, мешавшего продвижению наших войск, больше не существовало, штурмовики пошли дальше. Через несколько недель Артёмовск был взят.

А Игорю после этого рейда командир запретил ходить на задания.

– У тебя есть командиры взводов, отделений – это их работа. А ты должен руководить...

P. S.

Свою очередную, донбасскую, войну Игорь отвоевал, в 2023-м вернулся в Томск. Такие в «Вагнере» порядки: заканчивается контракт – человек едет до-

мой и ждёт звонка с новым предложением. Звонка дождался, в апреле 2024-го уехал в новую командировку – в Центральноафриканскую Республику.

Между контрактами успел немного побыть с семьёй, отдохнуть, съездить на ежегодную альпиниаду «Байкальский спецназ». Поучаствовал в традиционном подъёме на пик Черского, где у мемориала бойцам спецназа они почтили память погибших товарищей.

– Туда съезжаются и ветераны, и спецназовцы действующие со всей России, – поделился впечатлениями Игорь Юрьевич. – Много было сибиряков, включая томичей и новосибирцев, многие, как я, приехали с семьями. Как известно, не все у нас однозначно поддерживают СВО, и я был, наверное, единственным, кто в открытую разгуливал с шевронами ЧВК «Вагнер», да ещё и с флагом. Но нигде не встречал никакого негатива. Наоборот, обратная реакция.

Они с парнями гуляли по Иркутску, подходили незнакомые прохожие, часто пожилые люди, спрашивали: «Вы из «Вагнера»? Какие вы молодцы! А можно с вами сфотографироваться?». Ребята, конечно, не отказывались. Это было от всего сердца...

Пожилые ещё помнят эпоху, когда ветераны говорили: «Прошёл Халхин-Гол, Финскую, Отечественную...». Теперь другие времена, сегодняшние ветераны говорят: «Был в Чечне, Сирии, на Донбассе...». География изменилась, но люди, которым обидно за державу, остались. И пока так будет, держава будет стоять.